
С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.1

СЧАСТЬЕ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЯН: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

Н. П. НАРБУТ¹⁾, И. В. ТРОЦУК¹⁾

¹⁾Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, г. Москва, Россия

Представлены результаты общероссийского репрезентативного онлайн-опроса, проведенного в конце 2020 – начале 2021 г., т. е. в период, который сегодня в научном, управленческом и обыденном дискурсах определяется как доковидный или допандемийный. Отмечается, что для этого периода характерно безмерное увлечение рейтингами, в том числе ранжированием целых стран по уровню счастья, несмотря на то что данное понятие крайне многозначное, сложно коннотированное и плохо поддающееся концептуальному и эмпирическому определению даже в рамках конкретных дисциплин, включая социологию. Представлены содержательные результаты и методические выводы онлайн-опроса, реализованного на основе авторского инструментария, который предлагает респондентам не только оценить свой уровень счастья, но и высказать мнение о том, как следует определять счастье и что на него может влиять (сочетание прямых и косвенных вопросов).

Ключевые слова: счастье; социальное благополучие; онлайн-опрос; анкета; гендерные различия; поколенческие различия.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 2001100307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия»).

Образец цитирования:

Нарбут НП, Троцук ИВ. Счастье и его детерминанты в представлении россиян: результаты опроса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;4:82–96.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-82-96>

For citation:

Narbut NP, Trotsuk IV. Russians' interpretation of happiness and its determinants: results of the survey. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;4:82–96. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-4-82-96>

Авторы:

Николай Петрович Нарбут – доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета гуманитарных и социальных наук.

Ирина Владимировна Троцук – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук.

Authors:

Nikolai P. Narbut, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of humanities and social sciences.
narbut-np@rudn.ru

Irina V. Trotsuk, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of humanities and social sciences.
trotsuk-iv@rudn.ru

RUSSIANS' INTERPRETATION OF HAPPINESS AND ITS DETERMINANTS: RESULTS OF THE SURVEY

N. P. NARBUT^a, I. V. TROTSUK^a

^aRUDN University, 6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow 117198, Russia

Corresponding author: N. P. Narbut (narbut-np@rudn.ru)

The article presents the results of the representative all-Russian online survey conducted in the late 2020 – early 2021, i. e., in the period defined today by the scientific, authorities and everyday discourses as pre-covid-19 or pre-pandemic. At that time, and the situation has not changed, rankings became extremely popular, including the ranking of countries by the level of happiness, despite the fact that the very word «happiness» is ambiguous, full of contradictory connotations and difficult to define conceptually and empirically even within the disciplinary framework of specific disciplines, including sociology. The article presents the results of the survey (dominant interpretations of happiness, self-estimates in terms of happiness, etc.) and methodological conclusions (pressure of social desirability, gender and generational measurements of happiness and its definitions) from the online survey conducted with the authors questionnaire which allowed respondents to assess their level of happiness and to express their opinion on how it should be defined and what can influence it (a combination of direct and indirect questions).

Keywords: happiness; social well-being; online survey; questionnaire; gender differences; generational differences.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 2001100307 «Subjective and objective measurements of happiness: justice as a criterion for personal and social well-being»).

Введение

Сегодня мы вынуждены делить свою жизнь и исследовательскую работу на «до» и «после» – до пандемии и после ее начала. Новая коронавирусная инфекция поставила общество перед глобальной неопределенностью прогнозов на будущее и отчетливым пониманием долгосрочных последствий уже произошедших изменений (не только медицинских и санитарно-эпидемиологических, но и социально-экономических, социально-психологических, политико-правовых и др.) [1–5]. Средства массовой информации вносят свой вклад в формирование устойчивого медийного дискурса, который, с одной стороны, нагнетает обстановку сенсационными заголовками о масштабах происходящей катастрофы, по сути, запугивая и дезориентируя население, а с другой – информирует об ухудшении социально-психологической атмосферы в обществе (росте числа депрессивных и тревожных состояний, накопленной скрытой агрессии и др.).

У наблюдающего за потоком подобных публикаций неизбежно возникает вопрос: а в каком состоянии российское общество вошло в ковидную эпоху? Если пандемия сделала россиян более нервными, тревожными и несчастными, значит ли это, что до ее начала они были спокойны и счастливы? Действи-

тельно, в доковидный период мейнстримом социологических исследований было субъективное благополучие, нередко сводимое к счастью. Формально социологические исследования феномена счастья достаточно редки, обычно в них упоминается благополучие и (или) уровень (качество) жизни, т. е. акцент делается либо на субъективном, либо на объективном параметре социального благополучия [6–12]. Социологи используют наработки экономической науки, пытаются построить индексы счастья [13–17], но все же предпочитают обращаться к человеку с вопросами о его самооценке счастья [11; 18]. Чтобы преодолеть противостояние субъективистской и объективистской трактовки счастья, а также свойственные каждому из них методические ограничения, в социологическом исследовании понятия «счастье» желательно сочетать их принципы [19], но отдавать приоритет самооценкам респондентов и учитывать, что для россиян социальной нормой являются высокие оценки своей счастливости, что объясняется прежде всего феноменом социальной желательности и устойчивой системой ценностей, в которой семейное благополучие и здоровье (свое и близких) – жизненные приоритеты, достаточные для счастья [20].

Методы исследования

Попробуем охарактеризовать допандемийное состояние российского общества в терминах счастья на основе разработанного нами опросного инструментария. Анкета состояла из 31 вопроса: 3 из них (касающиеся пола, возраста и места жительства)

позволяли контролировать количественные параметры выборки, 19 – были посвящены трактовкам счастья, его факторам и самооценкам респондентов, 9 – затрагивали проблематику социальной справедливости, заключительный блок из 7 вопросов

обеспечивал контроль репрезентативности выборки по социально-демографическим параметрам (образование, занятость, род деятельности, семейное положение, личный доход, материальное положение семьи). Опрос был проведен в декабре 2020 – январе 2021 г. в онлайн-формате на общероссийской панели компании *Tibuton Research*. Выборка составила 808 человек и была квотирована по четырем возрастным группам: 14–19 лет (подростки), 20–29 лет (молодежь), 30–49 лет (зрелое поколение), 50–69 лет (старшее поколение).

Перед запуском онлайн-анкетирования опросный инструментарий прошел пилотаж, результаты которого имели не только методический (оценка надежности и валидности опросника), но и оценочный характер. Мы стремились не только выявить самооценки российского общества в терминах благополучия и счастья (вполне традиционная социологическая задача), но и предложить респондентам такие вопросы и формулировки ответов, которые были бы им понятны и интересны. Иными словами, стояла цель достичь баланса между решением сугубо научных задач и обыденной

прозрачностью формализованного опроса, в котором коммуникативные статусы исследователя и респондента по определению не равны, но есть возможность сделать эту «беседу» интересной и для отвечающего на вопросы. Судя по оценкам опроса, которые дали респонденты, нам удалось решить эту задачу: хотя это необязательное условие, каждый десятый опрошенный оценил свои впечатления от опроса, отметив, что он был «интересным», «хорошим», «познавательным», «не занудным», «необычным», «актуальным», «свежим по тематике», «важным в наше непростое время», «заставил задуматься», а некоторые «с удовольствием приняли бы участие в подобном исследовании в будущем».

Представим основные результаты нашего опроса по тематическим блокам, посвященным счастью, а также по двум социально-демографическим параметрам – полу и возрасту респондентов. Если по вопросу не отмечены гендерные и поколенческие различия ответов, значит, таковые были статистически не значимы и можно говорить об устойчивых общероссийских показателях.

Результаты и их обсуждение

В духе традиционной для российских опросов общественного мнения тенденции каждый третий опрошенный затруднился оценить свою общую удовлетворенность жизнью. Остальные респонденты разделились на две неравные группы: каждый второй в целом доволен своей жизнью, а 12 % респондентов, наоборот, недовольны (рис. 1).

По данному вопросу среди респондентов наблюдаются социально-демографические различия (рис. 2). Во-первых, группа удовлетворенных жизнью оказалась больше среди женщин за счет мень-

шей доли неудовлетворенных жизнью среди них и большей доли неопределившихся среди мужчин. Во-вторых, с возрастом увеличивается доля неопределившихся и резко сокращается доля испытывающих удовольствие практически от каждого дня, т. е. с возрастом наблюдается тенденция снижения доли удовлетворенных жизнью. Безусловно, старшие поколения воспроизводят характерный для российского общества оценочный паттерн социальной нормализации, поскольку очевидно нарастание пессимизма в старших когортах по объективным

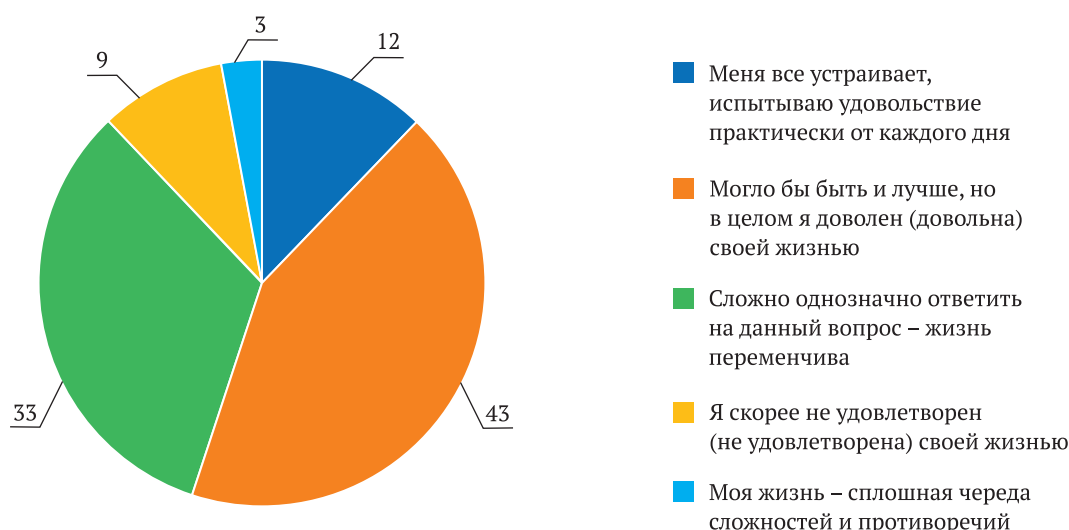

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос:
«Как бы Вы охарактеризовали свою удовлетворенность жизнью?», %

Fig. 1. Distribution of answers to the question:
«How would you describe your life satisfaction?», %

причинам (снижение человеческого и социального капитала в условиях возрастной дискриминации).

Следует отметить, что эти оценки не обусловлены особенностями склада характера: 61 % респондентов считают себя спокойными и невозмутимыми, легко переносящими неудачи, а в своем переменчивом настроении и чувствительности признались 39 % опрошенных (рис. 3). По данному вопросу наблюдаются гендерные различия, прежде всего в соотношении двух групп: мужчины чаще относят себя к спокойным (69 %), а женщины – к чувствительным и переменчивым (49 %), воспроизводя устойчивые

социальные стереотипы о том, что характерно для мужчин (сдержанность, стойкость) и женщин (эмоциональность, чувствительность, ранимость). С возрастом соотношение двух групп меняется: доля спокойных, невозмутимых, стойких среди подростков составляет 51 %, среди молодежи – 56 %, среди 30–49-летних – 70 %, среди представителей старшего поколения – 64 %, что, видимо, отражает возрастную кристаллизацию характера, лучшее понимание себя и жизни, а также реальную оценку своей способности справляться с трудностями, о чем и говорят прожитые годы.

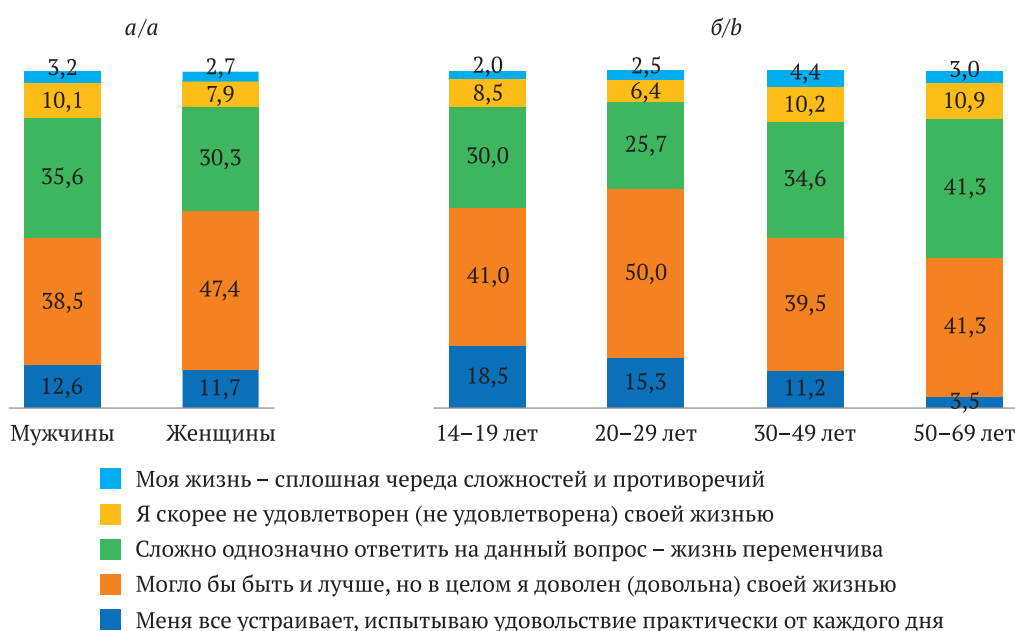

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы охарактеризовали свою удовлетворенность жизнью?» в зависимости от пола (а) и возраста (б), %

Fig. 2. Distribution of answers to the question: «How would you characterise your life satisfaction?» depending on gender (a) and age (b), %

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какое определение лучше всего описывает склад Вашего характера?», %

Fig. 3. Distribution of answers to the question: «Which definition best describes your character?», %

Блок вопросов о трактовках счастья начинается с набора дихотомических шкал в форме таблицы суждений, с каждым из которых респонденту предлагалось согласиться или нет. В таблице мы свели широко распространенные представления о счастье (те высказывания, которые ранее апробировали в опросах на тему счастья, уточнили в ходе интервью и подтвердили с помощью методики неоконченных предложений) как понятные, однозначно интерпретируемые и обыденные для представителей всех поколений. В таблице приведены доли согласившихся с каждым суждением, представления упорядочены

по снижению доли согласившихся с ними по выборке в целом. Как видим, в российском обществе доминирует личностная трактовка счастья, т. е. укоренено мнение о том, что человек – сам творец своего счастья, если умеет находить радость в жизни и людей, которые его понимают, не гоняется за счастьем как за чем-то внешним, а ищет его в себе, определяет счастье не как цель, а как образ жизни, поэтому большинство людей счастливы настолько, насколько решили быть счастливыми, довольствуются тем, что у них есть, и не испытывают мучительной зависти к чужому счастью.

Доли согласившихся с определениями счастья
Shares of respondents who agree with the definitions of happiness

Широко распространенные представления о счастье	%
Уметь находить радость в жизни – лучший способ привлечь счастье	91,2
Счастье – это когда тебя понимают	82,4
Не гоняйся за счастьем: оно всегда находится в тебе самом	80,3
Счастье – это не цель, а образ жизни	77,8
Исключительное счастье человека – заниматься любимым делом	77,0
Не существует пути к счастью: счастье – это и есть путь	76,7
Счастье увеличивается, если делишься им с другими	75,9
Большинство людей счастливы настолько, насколько решили быть счастливыми	75,0
Счастье – довольствоваться тем, что у тебя уже есть	69,9
Никогда не будет счастлив тот, кого мучает вид большего счастья	69,7
Счастье – рациональный выбор: человек сам решает, быть ему счастливым или несчастным, невзирая на обстоятельства	66,6
Счастье – состояние души: либо человек чувствует себя счастливым, либо нет, от конкретных событий или людей счастье мало зависит	65,8
Единственная в жизни серьезная неудача – не научиться быть счастливым	64,1
Счастье – просто хорошее настроение: то по поводу, то без повода, то длительное (на несколько дней, недель или месяцев), то кратковременное	63,2
Счастье – результат тяжелого труда по налаживанию жизни	60,6
Счастлив тот человек, чьи радости требуют меньше всего денег	60,0
Счастье – мимолетное ощущение: то возникает, то неожиданно исчезает	59,7
Истинное счастье любит уединение, оно враг шума и роскоши и рождается главным образом из любви к себе	56,3
Ум – первое условие для счастья	51,5
В жизни есть лишь одно счастье – любить и быть любимым(ой)	49,0
Человек обязан быть счастливым: если он несчастлив, то сам виноват	42,9
Приносить пользу миру – единственный способ стать счастливым	32,1
Никто не бывает вполне счастливым, если нет свидетелей его счастья	23,0
Счастье – миф, чтобы людям было ради чего жить	18,3

Как видим, 70 % – некая линия, которая разграничивает не только суждения, набравшие больше и меньше ответов, но и несколько условных групп определений счастья. Так, суждения, набравшие 70 % и больше согласий, – достаточно общие, этиче-

ски предсказуемые, нормативно ожидаемые и социально стереотипные трактовки счастья. Можно выделить два других условных блока: достаточно разнородный уточняющий блок суждений, с которыми согласился как минимум каждый второй респон-

дент, и непопулярный блок суждений, с которыми согласился максимум каждый третий. Во второй блок вошли трактовки счастья как рационального выбора, состояния души, того, чему нужно научиться, просто хорошее настроение, результат тяжелого труда по налаживанию своей жизни, радости, для которой не нужно много денег, мимолетное ощущение, жизнь не напоказ в любви к себе, жизнь по уму, жизнь в любви и решение быть счастливым. Группу самых непопулярных определений счастья составили его трактовки как мифа, состояния, невозможного без свидетелей и общественного служения.

В трактовках счастья не прослеживается значимых гендерных и поколенческих различий, за исключением некоторых суждений. Утверждение о том, что счастье – это не цель, а образ жизни, более характерно для старшего поколения (84 % против 70 % среди подростков). Подростки чаще полагают, что счастливым человека делают любимое дело (80 % против 71 % в старшей группе), усилия по налаживанию своей жизни (67 % против 54 % соответственно), непоказная жизнь в любви к себе (63 и 67 % молодежи против 46 и 49 % в двух старших группах). Подростки реже, чем представители остальных поколений, уверены, что человек сам решает быть счастливым (70 %, а в группе 20–29-летних этот показатель самый высокий – 82 %), что ум – первое условие для счастья (45 и 47 % молодежи против 56 и 58 % в двух старших группах), что человек обязан быть счастливым и сам виноват, если у него это не получается (29 % против каждого второго в группе старше 30 лет). Подростки чаще всего выбиваются из общей картины, преимущественно самыми низкими показателями согласия по ряду суждений, но, как правило, по этим суждениям они максимально отличаются не от всех возрастных групп, а, скорее, от группы 20–29-летних. Представители старшего поколения максимально согласились с двумя суждениями – о счастье как образе жизни, а не цели (84 %), и о несовместимости счастья с мучительной завистью (78 % против 70 % по выборке и 64 % среди подростков).

Гендерные различия в трактовках счастья практически не прослеживаются, что говорит об универсально-стереотипном понимании счастья, не требующем уточнений по полу. Некоторые различия наблюдаются по трем суждениям: мужчины чаще соглашались с тем, что первым условием счастья является ум (60 % против 43 %) и что главное счастье в жизни – любить и быть любимым (55 % против 43 %), а женщины чаще соглашались с тем, что для счастья важно любить себя вне шума и роскоши (64 % против 50 %). Суждение про ум характеризует традиционные гендерные стереотипы российского общества (например, о том, что мужчина должен быть умным, а женщина – красивой). Гендерные расхождения в популярности второго и третьего суждений говорят о том, что мужчины в большей

степени ориентированы на счастье как на обретение второй половинки, а женщины – как на самопонижение и умение жить в ладу с собой. Вероятно, это можно объяснить перекосами в социально-демографической структуре российского общества, которые предоставляют мужчинам больше возможностей найти пару. Хотя больше половины опрошенных считают, что счастье не имеет специфических черт для женщин и мужчин (с суждением о том, что человек либо счастлив, либо нет и это не зависит от пола, согласны 60 % респондентов (68 % женщин против 52 % мужчин), 40 % все же полагают, что мужчины и женщины, как правило, счастливы по-разному (чаще мужчины – 48 % против 32 % среди женщин).

Каждый второй опрошенный (54 %) считает, что определенные люди (события, эмоции) делают нас счастливыми, каждый третий (36 %, чаще мужчины – 40 % против 32 % среди женщин) затрудняется ответить однозначно, полагая, что это верно не для всех, а каждый десятый (10 %, чаще старшее поколение, чем подростки – 16 % против 7 %) уверен, что счастье – это личное решение (мнение, состояние), т. е. человека нельзя сделать счастливым. Значимые поколенческие различия прослеживаются по двум позициям, и четыре возрастные группы здесь превращаются в две: среди респондентов младше 30 лет каждый третий затруднился высказаться однозначно, а в группе старше 30 лет таковых больше 40 %, респонденты младше 30 лет чаще считают, что счастье зависит от людей, событий и эмоций (больше 60 % против примерно 45 % в остальных возрастных группах). «Схлопывание» четырех групп в две прослеживается и по другим вопросам: например, в группе младше 30 лет свыше 62 % (против 56 %) считают, что счастье не имеет специфических черт для женщин и мужчин, а в группе старше 30 лет, напротив, выше доля тех, кто уверен в неизбежной гендерной окраске счастья (44 % против 36 %).

Каждый второй (52 %) уверен, что при желании своим счастьем можно одарить другого, 39 % затрудняется высказаться на этот счет однозначно, каждый десятый (10 %) убежден, что счастьем поделиться невозможно. С возрастом распределение долей постепенно меняется и становится иным в старшей группе, где практически каждый второй затрудняется оценить возможность поделиться счастьем (46 %), только 39 % верят в это, а 16 % категорически с этим не согласны. То, что свыше трети респондентов затруднились ответить на вопросы, объясняется, видимо, тем, что 59 % считают, что счастье – слишком абстрактное понятие, неизмеримый феномен, и только 38 % (чаще подростки – 46 %) полагают, что его можно измерить, но не в каких-то величинах, а сравнивая с прошлым. При этом каждый второй (51 %) считает, что по внешнему виду не всегда можно правильно оценить, счастлив человек или нет, иного мнения придерживаются 42 % респондентов.

Чаще всего уверены в том, что счастье нельзя «увидеть», подростки – 12 % против 4 % среди 20–29-летних и 7 % среди тех, кто старше 30 лет.

По ответам респондентов факторы счастья можно сгруппировать в три блока (рис. 4). Наиболее значимые факторы набрали свыше 49 %, т. е. их назвал каждый второй.

Безусловными лидерами здесь выступают здоровье, семья и любимый человек. Далее идут исполнение желаний (мечты), материальное положение, друзья. Свободное время и увлечения столь же значимы, как профессия (работа), везение (удача), т. е. личные предпочтения, личное благополучие

и ближний социальный круг. Второй блок формируют факторы, которые набрали от 10 до 33 %: уровень справедливости в обществе, место жительства, состояние окружающей среды, общая ситуация в стране, общественное признание, общая ситуация в мире. Это внешние обстоятельства жизни, к которым примыкают более частные вещи, видимо, имеющие меньшее значение для счастья, чем вошедшие в первый блок (уровень образования, возраст и исповедуемая религия). Третий блок, самый малочисленный по набору факторов и отметивших их респондентов, составили дата рождения, пол и политические взгляды.

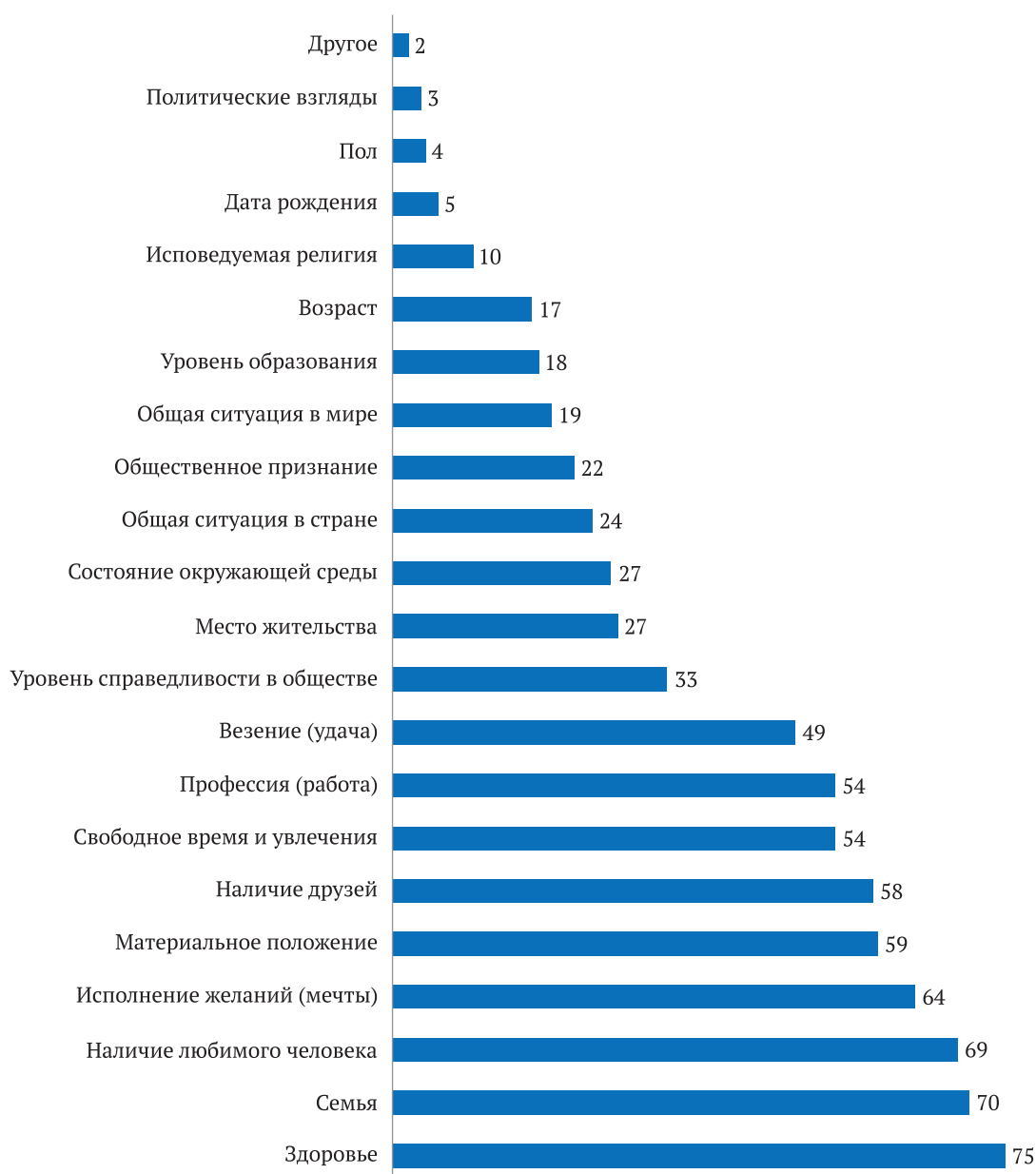

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, что в наибольшей степени определяет сегодня,
чувствует человек себя счастливым или, наоборот, несчастным?», %

Fig. 4. Distribution of answers to the question:
«What do you think most determines today whether a person feels happy or, conversely, unhappy?», %

Данная структура факторов не имеет гендерной специфики, но можно отметить некоторые предпочтения в данном контексте. Так, для женщин более значимы семья (74 % против 66 % среди мужчин), исполнение желаний (мечты) (68 % против 59 %), наличие друзей (65 % против 52 %), свободное время (58 % против 50 %) и уровень образования (21 % против 15 %). Поколенческие различия в выборе факторов счастья более выражены, хотя их общая структура и соотношение сохраняются, а все различия нельзя сгруппировать вокруг 30-летнего рубежа.

На рис. 5 представлены только те факторы счастья, по которым наблюдаются значимые различия: для подростков менее значимы, чем для старшего поколения, такие факторы счастья, как здоровье, семья и наличие любимого человека, и менее значима, чем для представителей всех остальных возрастов, профессия (работа). Материальное положение наиболее значимо для 30–49-летних, чуть менее значимо для старшей группы, а среди тех, кто младше 30 лет, его отметил каждый второй, хотя применительно к уровню образования ситуация иная: 30–49-летние указывают его реже, чем все остальные. Рубеж 30 лет разделил опрошенных на две группы по двум факторам: значение друзей с возрастом уменьшается, а влияние общей ситуации в стране, напротив, возрастает, что, видимо, говорит, о юношеско-молодежном максимализме (вере в собственные силы). Важность справедливого устройства общества имеет важное значение для подростков, постепенно снижается к 49 годам, но в самой старшей группе возвращает позиции.

Если в предшествующих вопросах респонденты, по сути, рассуждали о счастье в общем, то следую-

щий блок предлагал им ответить на вопросы о себе. Сначала участники опроса должны были отметить то, что считают самым главным в жизни для себя лично (рис. 6). Безусловный лидер – здоровье, далее следуют крепкая семья, благополучие близких и наличие любимого человека, на 3-м месте – материальный достаток, на 4-м – дети и внутренняя гармония, на 5-м – оптимизм и любимое хобби. Только потом идут внешние обстоятельства – социальная справедливость и мир во всем мире, наименее значимы вера в Бога и общественное признание. Гендерные различия здесь незначительны: благополучие близких людей и внутренняя гармония более важны для женщин (62 % против 54 % и 45 % против 34 % соответственно), а наличие любимого человека, напротив, важнее для мужчин (57 % против 48 % среди женщин). Поколенческие различия проявились по большему числу ценностей, из общей картины несколько выбиваются два поколения – самое молодое и самое старшее. С возрастом все более приоритетными становятся крепкое здоровье (51 – 67 – 74 – 77 %), дети (24 – 40 – 54 – 50 %) и наличие близкого человека (каждый второй во всех группах и 60 % в самой старшей), а менее приоритетными – любимое хобби (35 – 24 – 22 – 11 %), мир во всем мире (24 – 18 – 12 – 16 %) и общественное признание (10 – 7 – 4 – 5 %). Внутренняя гармония более важна в молодости и старшем возрасте (43 и 44 %), чем в подростковом возрасте и зрелости (33 и 37 %), а социальная справедливость более значима для подростков и представителей старшей группы (23 и 25 %), чем для молодых и зрелых людей (10 и 14 %).

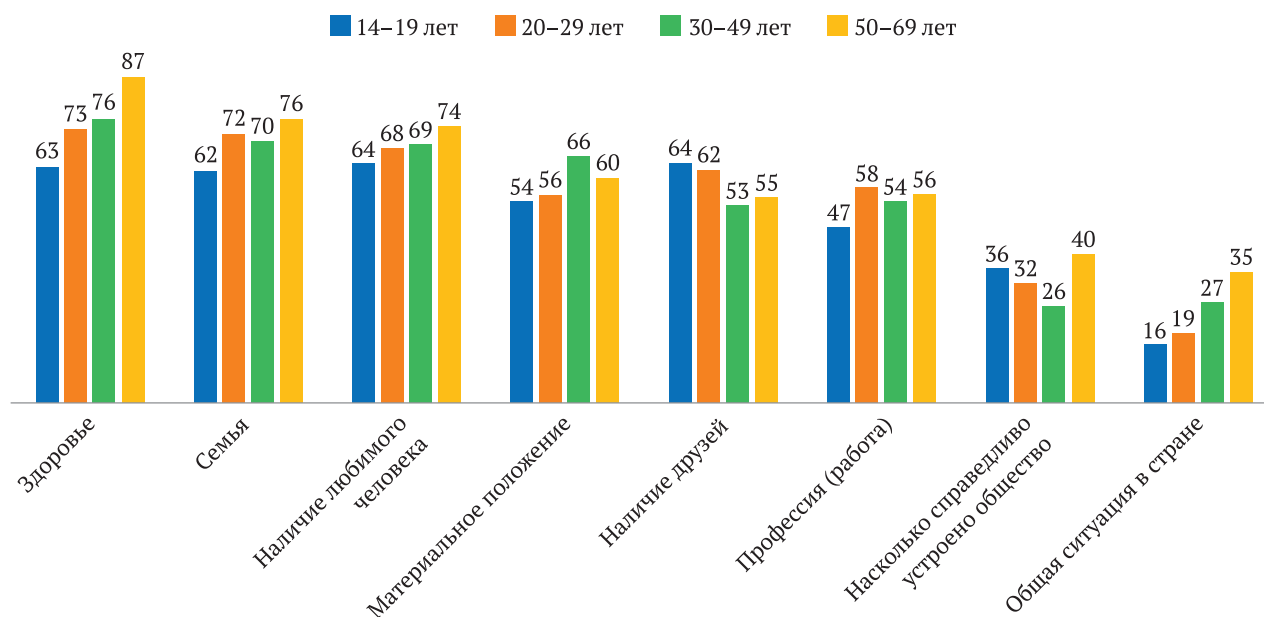

Рис. 5. Факторы счастья в зависимости от возраста, %

Fig. 5. Factors of happiness depending on age, %

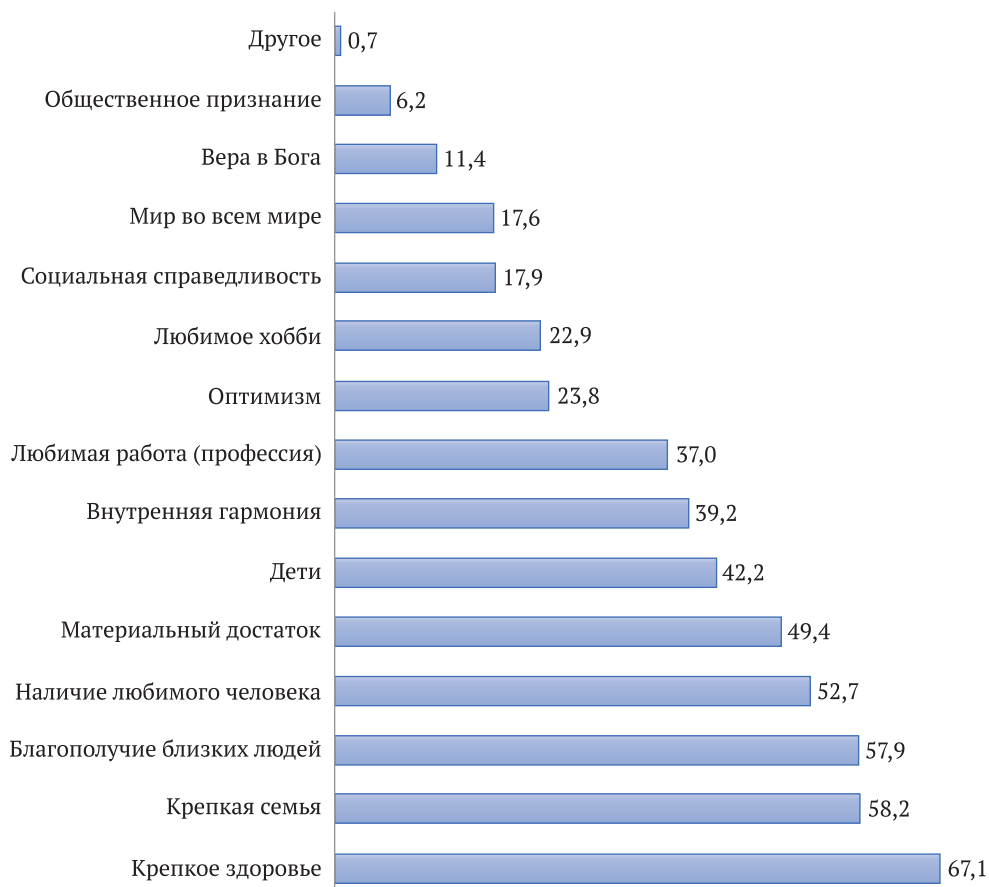

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос:
«Что для Вас лично самое главное в жизни?», %

Fig. 6. Distribution of answers to the question:
«What is the most important thing in life for you personally?», %

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос:
«На основании чего Вы можете назвать себя счастливым человеком?», %

Fig. 7. Distribution of answers to the question:
«On the basis of what you can call yourself a happy person?», %

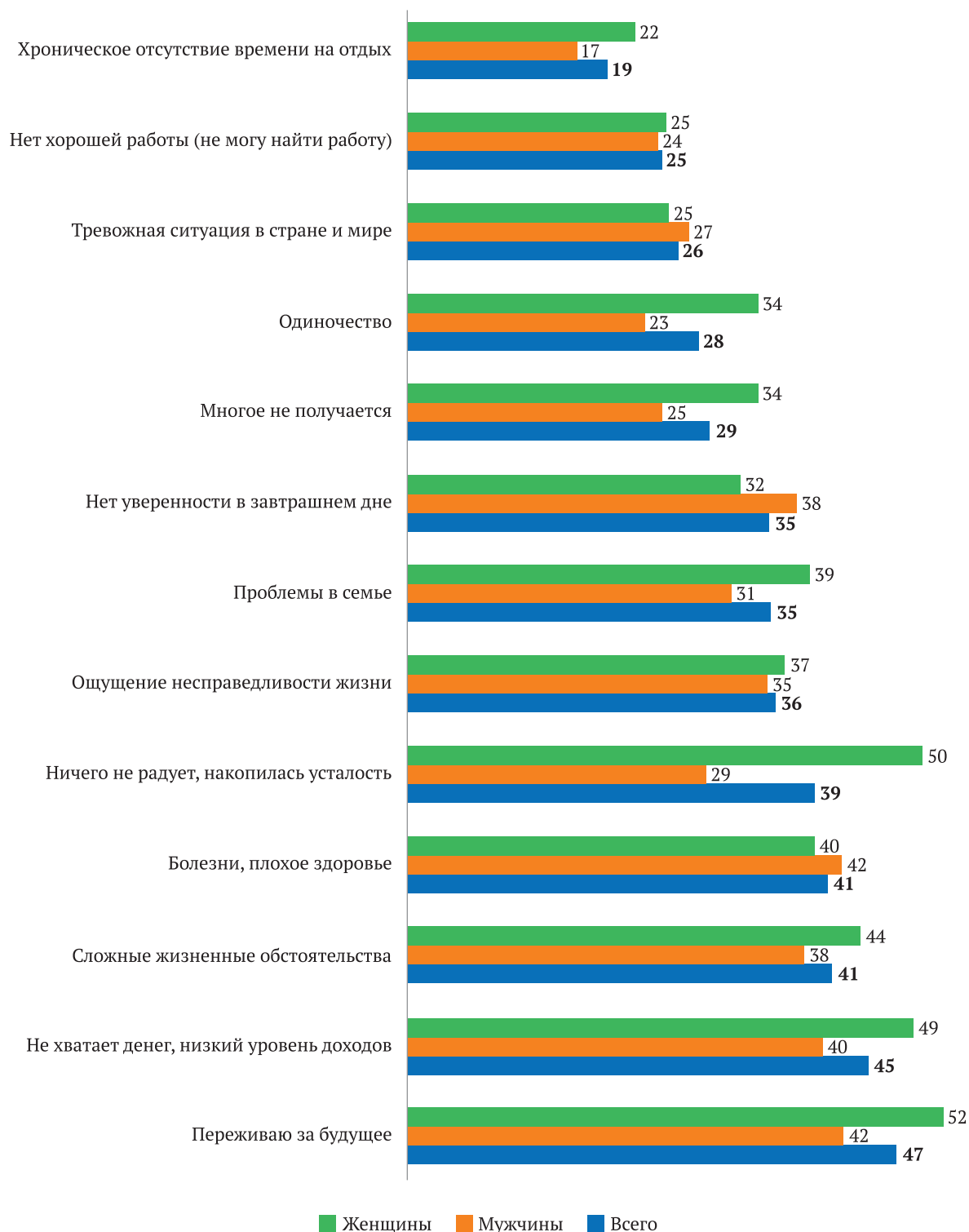

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос:
«Если, пусть даже иногда, Вы не ощущаете
себя счастливым, то почему?» в зависимости от пола, %

Fig. 8. Distribution of answers to the question:
«If, even sometimes, you do not feel happy, then why?» depending on gender, %

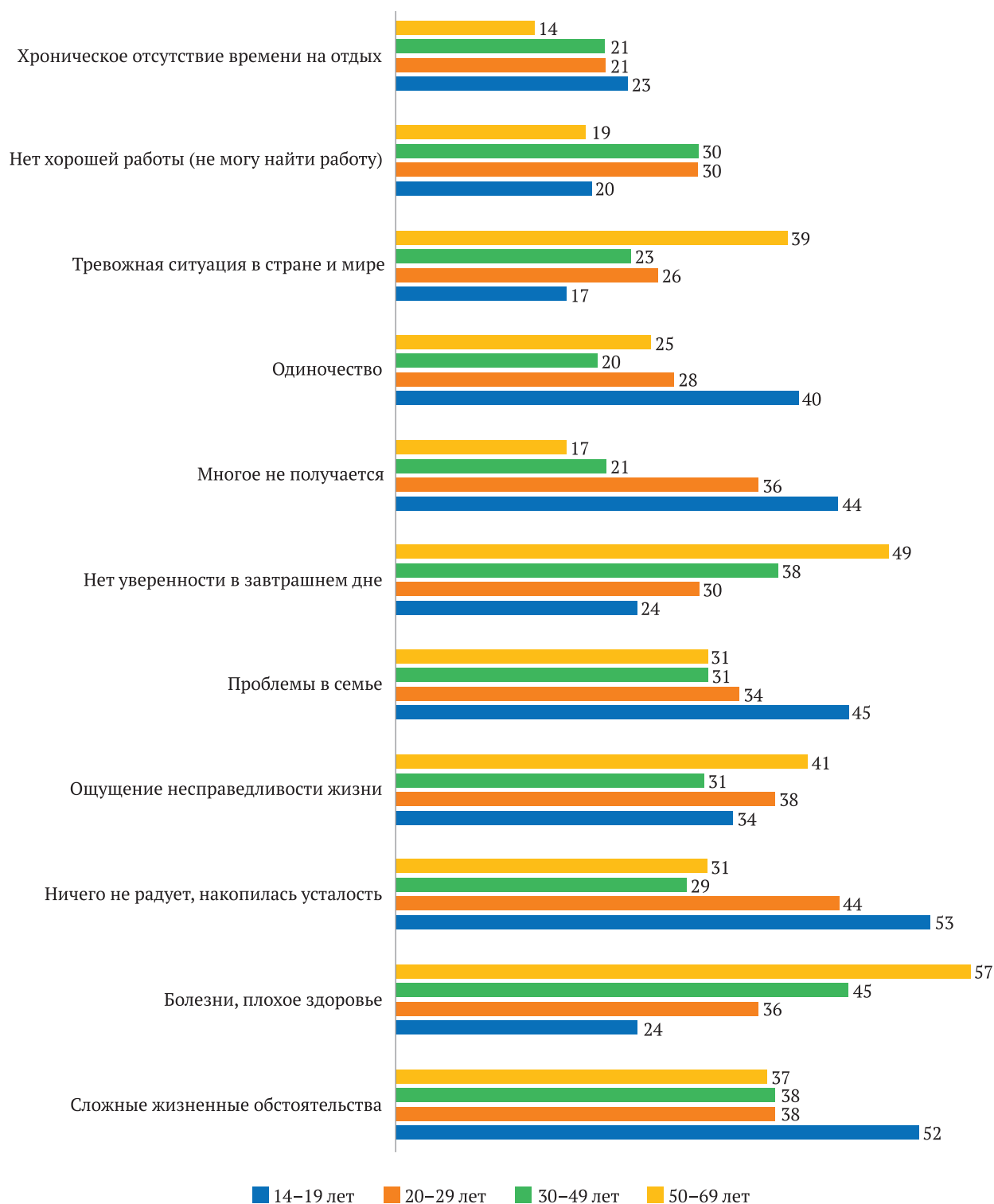

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос:
«Почему Вы чувствуете себя несчастным?» в зависимости от возраста, %

Fig. 9. Distribution of answers to the question:
«Why do you feel unhappy?» depending on age, %

Второй вопрос этого блока звучал следующим образом: «В жизни бывает всякое – и плохое, и хорошее. Но если говорить в целом, можете ли Вы назвать себя счастливым человеком?». Большинство (79 %) согласились назвать себя счастливым человеком (56 % выбрали ответ «Скорее да», 23 % – «Определенно да»), каждый пятый (21 %) не согласился (16 % выбрали ответ «Скорее нет», 5 % – «Уверенно нет»). Гендерные различия незначительны: женщины несколько чаще однозначно называли себя счастливыми (27 % против 20 % среди мужчин). Поколенческие различия также незначительны: доли признающих себя счастливыми несколько выше в возрастных группах с 20 до 49 лет (свыше 82 %) и ниже среди подростков и россиян старше 50 лет (76 %), поэтому в последних двух группах самые высокие доли тех, кто не может назвать себя счастливым (каждый четвертый). Оценивая свой уровень счастья по десятибалльной шкале, где 1 – отсутствие счастья, а 10 – полное счастье, большинство поставили себе достаточно высокие оценки (62 % – от 7 до 9, каждый второй – 7 или 8, каждый десятый – 10), что дало среднее значение по выборке (и подвыборкам мужчин и женщин) в 7 баллов. Гендерные различия незначительны: женщины несколько чаще ставили себе 7, а мужчины – 8 и 9. Поколенческие различия незначительны и предсказуемы. С возрастом снижается доля самых высоких оценок: 7 баллов себе поставил каждый пятый респондент до 30 лет, но каждый третий – старше 30 лет, 9 баллов – каждый седьмой и каждый десятый соответственно, 10 баллов – каждый седьмой подросток, каждый десятый молодой респондент, 7 % в группе 30–49-летних и только 4 % респондентов старше 50 лет.

В соответствии со своими жизненными ценностями и трактовками счастья респонденты относят к факторам личной счастливости (см. рис. 7) в первую очередь здоровье (свое и близких) и семейное благополучие. На 2-м месте – наличие любимого человека, любви к близким и просто ощущение радости жизни, на 3-м – хорошие друзья (важнее для женщин – 50 % против 41 % среди мужчин), на 4-м – дети и внуки, хорошая, интересная работа (учеба), хорошее материальное положение и творчество (важнее для женщин – 30 % против 16 % среди мужчин). Поколенческие различия проявились по большому числу факторов, но они предсказуемы: для подростков менее значимы здоровье и семейное благополучие (каждый второй против свыше 64 % в остальных группах) и более значимо творчество (37 % против каждого четвертого среди молодежи, каждого пятого в старшей группе и всего 13 % среди 30–49-летних). Столь же ожидаемо для ощущения себя счастливым в старшей группе оказались более

важны чувства радости от того, что жив (62 % против каждого второго в остальных группах), есть дети, внуки (каждый второй против 28 % среди молодежи и 41 % в группе 30–49-летних).

Поскольку большинство опрошенных считают себя в целом счастливыми людьми, неудивительно, что доли ответивших на вопрос: «Если, пусть даже иногда, Вы не ощущаете себя счастливым, то почему?» оказались значительно ниже, чем в предыдущем вопросе (см. рис. 8). На первом месте оказались переживания за будущее и низкий уровень доходов, далее идут сложные жизненные обстоятельства и болезни (плохое здоровье), накопленная усталость (неспособность радоваться) и ощущение несправедливости жизни, проблемы в семье и отсутствие уверенности в завтрашнем дне, то, что многое не получается, одиночество, тревожная ситуация в стране и мире, отсутствие (хорошей) работы и хронический недостаток времени на отдых. Гендерные различия здесь более выражены, чем в предыдущем вопросе. Женщины демонстрируют более высокий уровень тревожности: чаще не ощущают себя счастливыми, переживая за будущее, и по причине низкого уровня доходов, что взаимосвязано, накопленной усталости, не дающей радоваться жизни, проблем в семье, того, что многое не получается, и одиночества.

Поколенческие различия здесь тоже существенны (см. рис. 9). С одной стороны, с возрастом все более значимы болезни и плохое здоровье, отсутствие уверенности в завтрашнем дне и тревожная ситуация в стране и мире, но все менее значимы накопленная усталость, мешающая радоваться жизни, и то, что многое не получается. Это можно объяснить юношеским максимализмом подростков и осознанием старшим поколением важности мелких радостей жизни и смирением с ее неизбежным ходом. Подростки выбиваются из общей картины, чаще называя в качестве причин своей несчастливости сложные жизненные обстоятельства (каждый второй против примерно каждого третьего в остальных группах), проблемы в семье и одиночество, т. е. факторы скорее воображаемо-проективные, чем реальные. Старшее поколение и молодежь чаще сетуют на несправедливость жизни, что, вероятно, объясняется столкновением с реалиями трудовой и семейной жизни в молодости и с выпадением из многих сфер жизни в старшем возрасте. Столь же предсказуемо, что отсутствие (хорошей) работы в большей степени волнует людей с 20 до 49 лет, чем подростков и представителей старшей группы, а хроническое отсутствие времени, как и хроническое отсутствие времени на отдых – респондентов до 50 лет (порядка 22 % против 14 % в самой старшей группе).

Заключение

Результаты онлайн-опроса позволяют сделать выводы методического и содержательного характера.

Во-первых, на прямые вопросы о себе россияне дают позитивно смещенные ответы, следуя стереотипам

социальной нормальности, поэтому каждый второй декларативно доволен своей жизнью. В российском обществе сложилась персоналистическая трактовка счастья как состояния, за которое человек сам несет ответственность: определяя для себя счастье, выбирая профессиональный и жизненный путь, формируя ближнее социальное окружение и другие аспекты частной жизни. Это своего рода ядро определения счастья. Его периферия более разрознена: сюда входят как подкрепляющие ядро трактовки счастья (рациональный выбор, состояние души, решение, жизнь по уму, в счастье и т. д.), так и внешние элементы (общественное служение, внешняя оценка, мифологема). Соответственно распределены и факторы счастья: ядро формируют здоровье, личное благополучие (материальное и эмоциональное) и ближний социальный круг, периферию – внешние вещи (справедливо устроенное общество, общая ситуация в стране и мире, общественное признание и др.).

Во-вторых, наблюдаются небольшие гендерные различия в ответах на вопросы анкеты, но они менее выражены, чем можно было бы ожидать и чем мы фиксировали ранее в наших опросах по тематике ценностных ориентаций [21–23]. Так, женщины высказывают большую удовлетворенность жизнью, чаще называют себя счастливыми и признают свое эмоциональное восприятие жизни. Несколько неожиданно, что мужчины, с одной стороны, воспроизводят гендерный стереотип о большей значимости ума для мужчины, а с другой – являются большими приверженцами (декларативно) жизненного приоритета «любить и быть любимым», тогда как женщины чаще говорили о важности любить себя.

В-третьих, поколенческие различия ответов более существенны и более ожидаемы, чем гендерные. Объективное снижение уровня и качества жизни россиян с возрастом не могло не отразиться на их субъективном благополучии: с возрастом уменьшается доля удовлетворенных жизнью и снижается доля высоких оценок своего счастья, несмотря на (декларативно) спокойное и невозмутимое отношение к жизни. Чаще всего из общей картины выбиваются подростки: их позиция либо максимально отличается от позиции представителей старшей группы, либо только от позиции молодежи, либо вместе с ней формируют группу, которая отличается по суждениям и приоритетам от тех, кто старше 30 лет. В частности, респонденты младше 30 лет значительно чаще считают, что счастье человека зависит от внешних факторов (других людей и событий) и не имеет гендерной специфики.

В целом выявленные высокие показатели счастья – явное следствие социальной желательности, а не особого жизненного настроения, поскольку 43 % опрошенных считают себя реалистами, а остальные разделились на две группы – оптимистов (25 %) и ситуационистов, для которых настрой зависит от ситуации (23 %). Варианты «фаталист»,

«пофигист» и «пессимист» набрали незначительные число ответов: 2, 3 и 4 % соответственно. И здесь практически не наблюдаются гендерные и поколенческие различия, за исключением двух моментов: во-первых, среди женщин больше тех, кто ориентируется по ситуации (28 % против 19 %); во-вторых, с возрастом доля ситуационистов снижается (34 % подростков и 26 % молодежи против 18 и 16 % в следующих возрастных группах) преимущественно за счет возрастания доли реалистов с 20 лет (35 % среди подростков и 45 % в остальных возрастных группах) и оптимистов с 30 лет (с 21 до 28 %).

Вторым подтверждением того, что высокие показатели счастья – явное следствие социальной желательности, является распределение ответов на проективный вопрос, считает ли респондент, что среди его близких и знакомых больше счастливых людей, чем несчастливых. На прямой вопрос: «Можете ли Вы назвать себя счастливым человеком?» большинство (79 %) ответили утвердительно, но, оценивая свое окружение, 13 % отметили, что среди их близких и знакомых скорее больше несчастливых людей, 39 % – что больше счастливых, а каждый второй (48 %) видит примерно одинаковое число тех и других. Мужчины настроены несколько более пессимистично, чаще наблюдая несчастливых людей в своем близком кругу (15 % против 10 %) и реже – счастливых (35 % против 43 %). Поколенческие различия по этому вопросу также отражают снижение качества жизни с возрастом: соотношение тех, кто видит в своем ближнем окружении больше счастливых людей, и тех, кто видит скорее больше несчастливых, меняется с 52 и 10 % среди подростков на 44 и 10 % среди молодых, 33 и 12 % среди зрелых, 29 и 18 % среди представителей старшей группы. Четыре подгруппы здесь также можно объединить в две: до 30 лет примерно одинаковое количество счастливых и несчастливых людей в своем ближнем окружении наблюдают менее половины опрошенных (39 % подростков и 46 % молодежи), а после 30 лет – больше половины (55 и 53 % в следующих двух возрастных группах).

И, наконец, третье подтверждение давления социальной желательности в оценках своей счастья – распределение ответов на вопрос: «Представьте себе лестницу, где первая ступенька означает худшую жизнь из возможных, а десятая – лучшую. На какой ступеньке Вы сейчас находитесь?». Если, оценивая свое ближнее социальное окружение, респонденты дают значительно более аккуратные ответы, чем характеризуя свое субъективное благополучие, то, когда вопрос вновь касается их самих, ситуация меняется: половина оценок собственной жизни сосредоточилась на высоких ступеньках – 7-й и 8-й ($29 + 22 = 51\%$), еще треть – на 5-й и 6-й ($11 + 18 = 29\%$), на самые высокие ступеньки (8-я, 9-я и 10-я) себя поместили треть опрошенных ($22 + 6 + 4 = 32\%$). Причем эти оценки практически не имеют гендерных или поколенче-

ских особенностей: единственное значимое различие состоит в том, что до 30 лет несколько выше доля тех, кто дает собственной жизни максимально высокие оценки – выше восьми (больше и меньше трети опрошенных).

Подчеркнем, что зафиксированные показатели счастья россиян и определяющие их факторы характеризуют доковидную эпоху, поскольку опрос был проведен до признания за новой коронавирусной инфекцией статуса пандемии и введения

в России локдаунов и множественных ограничений. Но эта характеристика российского общества принципиально важна для объективной оценки того, как пандемия повлияла на массовое сознание и социальные представления о нормальном, правильном и возможном. Для этого нужны повторные опросы на основе аналогичного инструментария (можно дополнить анкету вопросами о том, как сами респонденты оценивают произошедшие изменения) и той же выборки.

Библиографические ссылки

1. Абрамов АВ, Багдасарян ВЭ, Бышок СО, Володенков СВ, Евстафьев ДГ, Егоров ВГ и др. Пандемия COVID-19: Конец привычного мира? *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)* [Интернет]. 2020 [прочитано 14 августа 2021 г.]; 2. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1001. Доступно по: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/1001>.
2. Волков ЮГ, Курбатов ВИ. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды постковидного мира. *Гуманитарий Юга России*. 2020;9(2):17–32. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.1.
3. Гришин ВИ, Домашенко ДВ, Константинова ЛВ, Кошкин АП, Устюжанина ЕВ, Штыхно ДА и др. Жизнь после пандемии: экономические и социальные последствия. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*. 2020;3:5–18. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-3-5-18.
4. Ослон АА. *Социология пандемии. Проект коронаФОМ*. Москва: Институт фонда «Общественное мнение»; 2021. 319 с.
5. Тощенко ЖТ. *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. Москва: Весь мир; 2020. 352 с.
6. Беляева ЛА. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации. *Социологические исследования*. 2009;1:33–42.
7. Карабчук ТС, Сальникова ДВ. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси. *Социологические исследования*. 2016;5:96–109.
8. Климова АМ, Чмель КШ. Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли социальная политика эффекты неравенства в России? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;1:143–176. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.07.
9. Латова НВ. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 – год бифуркации. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016;3:16–37. DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.02.
10. Стиглиц Д, Сен А, Фитусси Ж-П. *Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса*. Кушнарева И, переводчик; Дробышевская Т, редактор. Москва: Издательство Института Гайдара; 2015. 216 с.
11. Троцук ИВ, Гребнева ВЕ. Возможности и ограничения основных методических подходов к изучению счастья. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2019;25(3):7–35. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-7-35.
12. Аргайл М. *Психология счастья*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Питер; 2003. 271 с. (Мастера психологии).
13. Троцук ИВ, Королева КИ. Неочевидные ограничения социологической оценки благополучия: результаты методического эксперимента. *Социальная политика и социология*. 2020;19(1):107–114.
14. Троцук ИВ, Королева КИ. Субъективное благополучие – качество жизни или счастье? *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020;9:57–62. DOI: 10.23672/w3129-9969-0189-t.
15. Trotsuk IV. Three approaches to the sociological study of the social well-being. *Sociološki pregled*. 2019;53(1):80–99. DOI: 10.5937/socpreg53-20845.
16. Шматова ЮЕ, Морев МВ. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2015;3:141–162. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11.
17. Троцук ИВ. Методические и содержательные особенности социологического изучения феномена счастья опросными методами. *Социальная политика и социология*. 2019;18(1):147–156. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-1-147-156.
18. Родионова ЛА. Методологические аспекты измерения и моделирования уровня счастья. *Экономика. Управление. Право*. 2012;1:25–30.
19. Andrews FM, Withey SB. *Social indicators of well-being. Americans perceptions of life quality*. New York: Springer; 1976. 476 p. DOI: 10.1007/978-1-4684-2253-5.
20. Нарбут НП, Троцук ИВ. *Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта)*. Москва: Российский университет дружбы народов; 2017. 400 с.
21. Нарбут НП, Троцук ИВ. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2018;18(1):131–155. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-131-155.
22. Нарбут НП, Троцук ИВ. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2018;18(2):284–302. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-284-302.
23. Нарбут НП, Троцук ИВ. Жизненные планы российской студенческой молодежи: гендерные и иные различия в оценках собственных перспектив на рынке труда. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2014;3(3):143–168.

References

1. Abramov AV, Bagdasaryan VE, Byshok SO, Volodenkov SV, Evstafiev DG, Egorov VG, et al. Pandemia COVID-19: The end of the familiar world? *Bulletin of the Moscow Region State University (electronic journal)* [Internet]. 2020 [cited 2021 August 14];2. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1001. Available from: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/1001>. Russian.
2. Volkov YuG, Kurbatov VI. Global pandemic sociology: domestic and foreign scenarios and trends of the post-coronavirus world. *Humanities of the South of Russia*. 2020;9(2):17–32. Russian. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.1.
3. Grishin VI, Domashchenko DV, Konstantinova LV, Koshkin AP, Ustyuzhanina EV, Shtykhn DA, et al. Life after the pandemic: Economic and social consequences. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*. 2020;3:5–18. Russian. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-3-5-18.
4. Osion AA. *Sotsiologiya pandemii. Proekt koronaFOM* [Sociology of the pandemic. Project CoronaFOM]. Moscow: Institut fonda «Obshchestvennoe mnenie»; 2021. 319 p. Russian.
5. Toshchenko ZhT. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of trauma: between evolution and revolution (a case of theoretical and empirical analysis)]. Moscow: Ves' mir; 2020. 352 p. Russian.
6. Belyaeva LA. [The level and quality of life. Measurement and interpretation issues]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009;1:33–42. Russian.
7. Karabchuk TS, Salnikova DV. [Objective and subjective well-being: a comparative analysis of the countries of Central Asia, Russia and Belarus]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;5:96–109. Russian.
8. Klimova AM, Chmel KSh. Regional differences in subjective wellbeing: does social policy offset the effects of inequality in Russia? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2020;1:143–176. Russian. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.07.
9. Latova NV. Russian satisfaction with life during the crisis: 2015 as a year of bifurcation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2016;3:16–37. Russian. DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.02.
10. Stiglitz JE, Sen A, Fitoussi J-P. *Mismeasuring our lives. Why GDP doesn't add up*. New York: The New Press; 2016. 176 p. Russian edition: Stiglitz JE, Sen A, Fitoussi J-P. *Neverno otsenivaya nashu zhizn. Pochemu VVP ne imeet smysla. Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa*. Kushnareva I, translator; Drobyshevskaya T, editor. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2015. 216 p.
11. Trotsuk IV, Grebneva VY. Possibilities and limitations of the key methodological approaches to the study of happiness. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019;25(3):7–35. Russian. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-3-7-35.
12. Argyle M. *The psychology of happiness*. 2nd edition. London: Routledge; 2001. 288 p. Russian edition. Argyle M. *Psikhologiya schastyia*. Saint Petersburg: Piter; 2003. 271 p. (Masterya psikhologii).
13. Trotsuk IV, Koroleva KI. [Nonobvious limitations of the sociological study of well-being: results of the methodological experiment]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2020;19(1):107–114. Russian.
14. Trotsuk IV, Koroleva KI. [Subjective well-being – quality of life or happiness?]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2020;9:57–62. Russian. DOI: 10.23672/w3129-9969-0189-t.
15. Trotsuk IV. Three approaches to the sociological study of the social well-being. *Sociološki pregled*. 2019;53(1):80–99. DOI: 10.5937/socpreg53-20845.
16. Shmatova YE, Morev MV. Assessing the level of happiness: a review of Russian and foreign research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2015;3:141–162. Russian. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11.
17. Trotsuk IV. [Methodological and conceptual issues of the sociological study of the phenomenon of happiness by survey techniques]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2019;18(1):147–156. Russian. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-1-147-156.
18. Rodionova LA. [Methodological aspects of measuring and modeling the level of happiness]. *Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 2012;1:25–30. Russian.
19. Andrews FM, Withey SB. *Social indicators of well-being. Americans perceptions of life quality*. New York: Springer; 1976. 476 p. DOI: 10.1007/978-1-4684-2253-5.
20. Narbut NP, Trotsuk IV. *Tsennostnye orientatsii i sotsial'noe samochuvstvie studenchestva (rezul'taty issledovatel'skogo proekta)* [Value orientations and social well-being of students (results of the research project)]. Moscow: RUDN University; 2017. 400 p. Russian.
21. Narbut NP, Trotsuk IV. The social well-being of the post-Socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): comparative analysis of value orientations (part 1). *RUDN Journal of Sociology*. 2018;18(1):131–155. Russian. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-131-155.
22. Narbut NP, Trotsuk IV. The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): comparative analysis of fears and hopes (part 2). *RUDN Journal of Sociology*. 2018;18(2):284–302. Russian. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-284-302.
23. Narbut NP, Trotsuk IV. Russian students' life plans: gender and other differences in the estimates of prospects in the labor market. *RUDN Journal of Sociology*. 2014;(3):143–168. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.11.2021.
Received by editorial board 23.11.2021.